

5.

Рецензии

Алексей Плешков

Пограничье Платона: размышления над книгой
Сары Броди «Nature and Divinity in Plato's *Timaeus*»
(Cambridge University Press, 2012)*

ALEXEY PLESHKOV

PLATO'S FRONTIER: REFLECTIONS ON SARAH BROADIE'S BOOK

«NATURE AND DIVINITY IN PLATO'S *TIMAEUS*» (CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 2012)

ABSTRACT. The article examines the key ideas of Sarah Broadie's book «Nature and Divinity in Plato's *Timaeus*» (Cambridge Univ. Press, 2012) in the context of contemporary studies of Plato's *Timaeus*. Following the examination of the basic framework of the book, an analysis of Broadie's theoretical, methodological, and meta-theoretical settings is presented. The reflection on these settings, as the author shows, plays an important role for the reconstruction of the meaning and the image of the dialogue.

KEYWORDS: Plato, *Timaeus*, Sarah Broadie, analytical philosophy.

В начале 1990-х годов в Кембриджском университете усилиями Майлза Бернхета и Джеффри Ллойда был организован специальный семинар, посвященный «Тимею» Платона. Целью этого

© А.А. Плешков (Москва). apleshkov@hse.ru. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

* Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

семинара стало, ни много ни мало, «спасение диалога, некогда занимавшего центральное место в платоновском каноне, от относительной безвестности, в которую он провалился»¹. Уже в конце 1990-х – начале 2000-х вышли два новых комментированных перевода диалога на английский язык², несколько книг, предлагающих всестороннее рассмотрение «Тимея», а также ряд работ, переосмысливающих как ключевые, так и периферийные темы диалога³. Новая книга Сары Броди «Природа и бог в *Тимее* Платона», вышедшая в издательстве Cambridge University Press в 2012 году, посвящена целостной реконструкции космологии платоновского «Тимея». В некотором смысле, эта книга — еще одно подтверждение успешности начинания двух известных историков античной философии.

Автор книги — профессор моральной философии и Уордлоуский профессор Сент-Эндрюсского университета. Послужной список Броди более чем убедителен: перед тем как занять профессию в Сент-Эндрюсе, она преподавала в Эдинбургском и Ратгерском университетах, Техаском университете в Остине, наконец, в Йейле и Принстоне. Не меньше может сказать о научной репутации автора ее библиография. Сара Броди является автором таких работ, как «Passage and Possibility: A Study of Aristotle's Modal Concepts» (Oxford Univ. Press, 1984) и «Ethics with Aristotle» (Oxford Univ. Press, 1991), она публикуется в ведущих философских журналах — «Mind», «Philosophical Quarterly», «Proceedings of the Aristotelian Society», «Phronesis» и др. Тем не менее, несмотря на блестящую академическую карьеру и бесспорную научную репутацию, для русскоязычного читателя Сара Броди остается малоизвестной. Проблема здесь не в том, что автор не переводился на русский язык (сегодня английский является *lingua franca*, а публикации на нем, по крайней мере по замыслу университетских

---

¹ Johansen 2004: v.

² Waterfield, Gregory 2008; Zeyl 2000.

³ См., например, Mohr et al. 2009; Burnyeat 2005; Johansen 2004; Wright 2000; Calvo, Brisson 1997.

функционеров, гарантирует включенность в мировую науку), но в том, что ее работы можно было бы назвать парадигматической аналитической историей античной философии.

В этом смысле, книга «Природа и бог в *Тимее* Платона» может показаться недружелюбной русскоязычным исследователям и любителям Платона. Дело не в сложной и многоуровневой аргументации, тяжеловесных главах, необходимости держать во внимании сразу несколько аргументационных цепочек — современное платоноведение в принципе требует большого внимания и интеллектуальных усилий. Дело в самой исследовательской оптике. Структуру и содержание исследования определяют вопросы о типах каузальности, реализме и гиперреализме программы Платона, возможных мирах. Без знакомства с современной аналитической философией сама постановка некоторых исследовательских вопросов может показаться как минимум странной.

Такой подход, предполагающий экспликацию установок Платона в терминах текущей философской повестки, не является для англо-саксонской традиции уникальным. Так же как не являются оригинальными и основные выводы автора, например, трансцендентность демиурга, необходимость буквалистского прочтения космогенеза, интерпретация мифа об Атлантиде как псевдоисторического нарратива. Тем не менее, эта книга заслуживает внимания всех исследователей «Тимея», заинтересованных в целостном видении диалога. Прежде всего потому, что эта работа выглядит симптоматичной: анализируя ключевые дискуссии вокруг диалога последних лет, автор предлагает авторское обоснование тех позиций, которые сегодня формируют то, что можно было бы назвать *топосом* исследований «Тимея».

Первые три главы («Отдельность демиурга», «Парадигмы и эпистемические возможности», «Метафизика парадигмы») задают общие теоретические установки авторской интерпретации. Здесь обосновывается необходимость понимания демиурга как *трансцендентного* миру принципа, что позволяет контекстуализировать космологию «Тимея» в более широком поле этико-

политической философии Платона⁴. Подчеркивая трехчастную структуру космологии «Тимея» (демиург — докосмический материал — космос), Броди обсуждает двухчастную онтологию авраамических религий (Бог — мир) и двухчастный телеологический материализм (разумное начало, проявляющееся в материальных элементах, их взаимодействии), характерный для ранних греческих философов. Именно трехчастность космологии позволяет Платону реализовать две его ключевые философские задачи: во-первых, доказать наилучшность и единственность существующего мира и, во-вторых, обосновать наличие индивидуализированного источника ответственности (разума) каждого человека. Как замечает Броди, «Платон <...> должен был настаивать на до-космическом существовании не только божественного мироустроителя, но также и материальных элементов, принципиально от него отличных. Это отличие <...> передается и продукту деятельности, именно потому, что мир Платона есть нечто божественное и священное, а без отличия от ума, который служит его причиной, не мог бы таковым считаться» (р. 15).

Четвертая глава («Бессмертный ум в смертных условиях») представляет собой экскурс в платоновскую антропологию. Здесь автором обосновывается тезис о том, что завершенность космоса, как необходимое условие его совершенства, предполагает не только наличие бессловесных животных, которые являются воплощением его материальной составляющей, но и рациональных человеческих существ, без самостоятельных действий которых мир не мог бы претендовать на полноту. Уделяя особое внимание описанию создания индивидуальных душ, Броди показывает, как неразрывное родство мировой души и частных человеческих душ предполагает их принципиальное различие: в то время как наша плоть после смерти «растворяется» в теле космоса, т.е. разлагается на простейшие элементы без остатка, индивидуаль-

---

⁴ Такого рода контекстуализации «Тимея» представляются сегодня трендом в англоязычной философии (см., напр., Carone 2005; Mohr 2006).

ные души не могут «раствориться» в душе мировой, т.к. являются менее чистыми по самому своему происхождению.

Пятая глава («Комплекс *Тимея* — *Крития*») представляется наиболее оригинальной и вызывающей во всей книге и занимает почти в два раза больше места, чем любая из предшествующих⁵. Здесь Броди концентрируется на трех смысловых блоках: (а) символизм «ответной трапезы» в рамочной части диалога; (б) невозможность совмещения в границах одного дискурса мифа о войне между Афинами и Атлантидой и истории о Марафонском сражении; (в) фундаментальное различие позиций Сократа и Крития в отношении этико-политического идеала полиса.

Так, блок (а) рассматривается Броди через призму институционального и жанрового подхода. «Тимей» легитимирует исторические и космологические исследования в Академии, хотя оба эти жанра не являются *сократическими*. История, подчиненная поиску идеального государственного устройства, вполне соответствует общим установкам Сократа. Космология же, фундированная в историческом нарративе (именно поэтому рассказ об Атлантиде композиционно необходим «Тимею»), наследует эту сократическую черту. Таким образом, и история, и космология гармонично вписываются в исследовательскую программу Академии как «наследницы» дела Сократа.

Блок (б) посвящен обоснованию невозможности совмещения непосредственной исторической реальности Марафонского сражения, характерной для *мира читателей* Платона, и мифической реальности Атлантиды, характерной для *мира диалога*. Вслед за Пьером Видаль-Наке Броди рассматривает рассказ Крития как «мысленный эксперимент» Платона, сталкивающего друг с другом еще неимпериалистические Афины времен Марафона (древние Афины Крития) с реальными Афинами конца V – начала IV вв., уже пережившими катастрофу собственной империа-

---

⁵ Эта глава представляет собой критическое переосмысление статьи Броди «Теодидея и псевдо-история в *Тимее*», вышедшей в 2001 г. (Broadie 2001).

листической политики (Атлантида Крития)⁶. Как сложилась бы судьба Афин, если бы победа при Марафоне, столь важная составляющая идеологии классических Афин, оказалась забыта, как потерялась в веках великая победа мифических Афин над Атлантидой? Ответ на этот вопрос, по Броди, очевиден — Сократ дожил бы до глубокой старости, а у Крития, вместе с другими гражданами Афин, попросту не было бы возможности сорваться в тираническое пике.

Наконец, блок (в) посвящен «философии истории» Платона. Здесь обсуждается три типа исторического нарратива: во-первых, история как учитель, предлагающая величественные образцы; во-вторых, история как искусство, предполагающая самоценность и герметичность исторического знания; в-третьих, критическая история, предполагающая анализ исторических причин и критику нелегитимной исторической аргументации. Эта типология проясняет принципиальное различие между персонажами диалога: в то время как для Крития история об Атлантиде оказывается инструментом политического конструирования (а также семейного прославления и самолюбования), для Сократа история просто не может претендовать на эту функцию. Важно, что оба персонажа «Тимея» заинтересованы в поиске идеального образца, *парадигмы* для наилучшего устройства полиса. Однако Критий ошибочно пытается обнаружить ее в истории, тогда как первообраз прекрасного согласно Сократу *должен* быть вечным, а значит, *неисторичным*.

Шестая глава («Генезис четырех элементов») посвящена одной из самых загадочных и трудных тем платоновского наследия — «третьему виду», «восприемнице» или «пространству»⁷. Стоит отметить, что это и одна из самых темных глав книги Броди. В отличие от традиционной интерпретации, стремящейся

---

⁶ Видаль-Наке 2012.

⁷ Здесь Броди выступает против собственной «онтологической» интерпретации восприемницы как платоновской инновации, направленной на решение проблемы «третьего человека» в «Пармениде» (Broadie 1982).

ся раскрыть необходимость третьего вида как метафизического принципа, Броди концентрируется на его космологической функции⁸. В то время как «метафизики» используют материальные элементы в контексте объяснения возможности по крайней мере *относительного* существования материального мира для Платона, согласно Броди, ключевым оказывается вопрос о том, почему материальных элементов недостаточно для *самостоятельного* существования космоса (как, например, у атомистов). Автор замечает, что природа элементов двояка. С одной стороны, благодаря демиургу они обретают геометрическую структуру, что делает возможным их устойчивые конфигурации в телах. С другой стороны, тела предполагают изменчивость, и именно благодаря восприимчивости, отвечающей за различие и разделение, эта изменчивость воспроизводится уже в космическом состоянии (р. 236). В этой двухсторонней зависимости материальных элементов и видится их недостаточность в процессе становления космоса.

Последняя, седьмая глава («Божественная и естественная причинность») может быть названа *методической*, в этимологическом смысле этого слова — «после-путие» (*meta hodos*). Здесь Броди возвращается к теоретическим предпосылкам своего исследования, обсуждая вопрос о буквалистском/метафорическом прочтении истории о создании мира, предложенном в «Тимее». Автор отмечает, что метафорическое прочтение делает практически невозможным последовательный деизм, столь важный для возможности этического бытия человека, а естественная причинность, характерная для мира, оказывается лишь специфическим проявлением божественной воли. Как замечает Броди, «деизм был для Платона единственным способом передать, что мир имеет и божественное происхождение, и относится к области природ-

---

⁸ В действительности, проблема «материи» в платоноведении столь активно дискутируется, что говорить о некоей генеральной линии интерпретации (метафизической/онтологической/космологической) довольно сложно (см., напр., Мочалова 2014; Miller 2003; Sallis 1999).

ных существ, действующих в соответствии со своей природой» (р. 276). В этом смысле, только буквалистское прочтение протоистории «Тимея» позволяет не только сохранить божественность космоса, но и сделать человека этическим субъектом.

Книга завершается небольшим заключением, суммирующим основные тезисы и установки исследования (стоит отметить, что в конце каждой главы Броди предлагает резюме), а также библиографией и справочным аппаратом, облегчающим навигацию.

В заключение обращу внимание на некоторые важные вопросы, которые поднимает это исследование. Важные вне зависимости от нахождения по ту или эту сторону аналитической традиции, но обращенные, так или иначе, к философскому осмыслению *границы* как таковой. Первый из них относится к общей теоретико-методологической установке автора. Броди справедливо замечает, что вопрос о трансцендентности/имманентности демиурга неразрывно связан с вопросом о буквалистском/метафорическом прочтении «Тимея». Отрицание трансцендентности демиурга подразумевает необходимость метафорического прочтения и *vice versa*, если, конечно, речь идет о последовательной интерпретации произведения в целом. Если несколько скорректировать словоупотребление, получается, что *мета*космическое (*мета*физическое) положение демиурга подразумевает буквалистское прочтение диалога, тогда как имманентное положение демиурга (т.е. отождествление демиурга и космической души) предполагает *мета*форическое понимание протоистории «Тимея». Эта игра с *meta-*, с переходом границы и «несовпадением» теоретического подхода и самой интерпретации не является особенностью книги Броди, но характерно для большинства исследований «Тимея». Иными словами, это не замечание к данному исследованию, но скорее *мета*-замечание, говорящее о гениальности Платона и принципиальной открытости, а вместе с тем и апоретичности, его стиля (*диалогического*) философствования. В этом смысле, проблематичность *meta-*, возможно, не просто следствие выбора оптики, но ловушка Платона, напоминающая, что

когерентный логический анализ не всегда снимает философское вопрошание.

Второй момент относится к одной из центральных и наиболее интересных идей книги — различию между миром диалога и миром читателя. Действительно, такой подход предполагает переосмысление самого способа чтения Платона, что делает исследование Сары Броди значимым в намного более широком, чем только аналитическом, контексте платоноведения. Тем не менее, не стоит забывать, что несмотря на красоту, элегантность и эпистемический потенциал этого различия, он представляет собой не что иное, как *argumentum ex silentio*. «Все, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно; о чем невозможно говорить, о том следует молчать», — так начинается не только «Логико-философский трактат» Витгенштейна, но, можно сказать, вся традиция аналитической философии в XX веке. Хотя сегодня метафизика занимает одно из центральных мест в аналитической философии, Броди осуществляет весьма радикальное переосмысление тезиса Витгенштейна: если о молчании можно говорить ясно, то... Все же представляется, что тот факт, что в диалоге собеседники не упоминают сражение при Марафоне, является слишком неубедительным, чтобы на нем основывать столь сложную конструкцию «двух миров».

Наконец, третий вопрос, о котором стоит сказать, — это принципиальная и последовательная «дисциплинаризация», характерная для исследования Броди. Так, например, автор отмечает, что если зачастую «Тимей» расценивается исследователями как космология, раскрывающая нам позднюю метафизику Платона, она настаивает со всей принципиальностью, что это космология *par excellence*, а экспликация метафизики идет вразрез с замыслом Платона (в конечном итоге, и упрощая аргументацию Броди, потому что космология — это наука, *science*, верифицируемая и фальсифицируемая, а метафизика — нет). Другой пример — указание на космологичность материи, редукция которой к метафизическому принципу делает некогерентной всю философию

«Тимея». Или, например, принципиальная подчиненность или включенность космологии «Тимея» в более широкий контекст этико-политической программы Платона (космология объясняет этическую «агентность» человека). Возникает справедливый вопрос: является ли невозможность совмещения метафизики и космологии (или космологии и онтологии, или метафизики и науки) и, напротив, необходимость совмещения космологии и этики (космологии и политики) платоновской установкой, или же это в большей степени обусловлено современной дисциплинарной сеткой? Насколько уместно говорить о Платоне как об университетском философе, который занимается, скажем, философией и этикой, но не космологией и логикой, потому что последние проходят по ведомству другой кафедры?⁹ В конечном итоге и само обоснование несводимости космологии к метафизике (и далее), предложенное Броди, возможно только на *мета*-уровне, т.е. путем метафизического рассуждения.

Книга Сары Броди «Природа и бог в *Тимее* Платона» — это богатое, щедрое и честное исследование, которое будет полезно всем исследователям и ценителям творчества Платона. Автор внимательнейшим образом рассматривает альтернативные своим решения, предлагает развернутую критику собственных тезисов, внимательнейшим образом диагностирует исследовательское поле. Иногда, возможно, такая апелляция к историографии ослабляет авторскую позицию, проявляя слабые стороны теоретического подхода или аргументации. Но в тоже время это заставляет продумывать вместе с автором те вопросы и проблемы, которые могут показаться неожиданными даже хорошо знакомому с «Тимеем» читателю.

---

⁹ Конфликт образов университетского, дисциплинарного Платона-профессора и холистического, творческого Платона-поэта не порождение современной истории философии. Здесь уместно вспомнить недавно вышедшую книгу М.А. Маяцкого о рецепции Платона в Германии в начале XX в. (Маяцкий 2012).

Литература

- Видаль-Наке 2012 — *Видаль-Наке П.* Атлантида: краткая история платоновского мифа. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
- Маяцкий 2012 — *Маяцкий М.А.* Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
- Мочалова 2014 — *Мочалова И.Н.* О двух онтологических моделях в диалоге Платона «Тимей» // Платоновские исследования. Вып. I (2014) / Ред. И.А. Протопопова и др. М.–СПб.: РГГУ; РХГА, 2014. С. 55–79.
- Broadie 1982 — *Broadie S.* Third Man's Contribution to Plato's Paradigmatism // *Mind* 91 (1982). P. 339–357.
- Broadie 2001 — *Broadie S.* Theodicy and Pseudo-history in the *Timaeus* // *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 21 (2001). P. 1–28.
- Burnyeat 2005 — *Burnyeat M.F.* Εἰκὼς μῦθος // *Rizai* 2.2 (2005). P. 143–165.
- Calvo, Brisson 1997 — Interpreting the *Timaeus* and *Critias* / Ed. by T. Calvo and L. Brisson. Sankt Augustin: Akademie Verlag, 1997.
- Carone 2005 — *Carone G.R.* Plato's Cosmology and its Ethical Dimensions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Johansen 2004 — *Johansen T.K.* Plato's Natural Philosophy. A study of the *Timaeus* — *Critias*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Miller 2003 — *Miller D.R.* The Third Kind in Plato's *Timaeus*. Göttingen, 2003.
- Mohr 2006 — *Mohr R.* God and Forms in Plato. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2006.
- Mohr et al. 2009 — One Book, The Whole Universe: Plato's *Timaeus* Today / Ed. by R. Mohr, K. Sanders, B. Sattler. Las Vegas: Parmenides Pub., 2009.
- Sallis 1999 — *Sallis J.* Chorology: On Beginning in Plato's *Timaeus*. Indianapolis: Indiana University Press, 1999.
- Waterfield, Gregory 2008 — Plato. *Timaeus* and *Critias* / Trans. by R. Waterfield, Introduction and Notes by A. Gregory. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Wright 2000 — Reason and Necessity: Essays on Plato's *Timaeus* / Ed. by M.R. Wright. London: Duckworth, 2000.
- Zeyl 2000 — Plato. *Timaeus* / Trans. and Comment. by Zeyl D.J. Indianapolis and Cambridge, Mass.: Hackett Publishing Co., 2000.